

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ,

в которой рассказывается о том, как Сунь У-кун пребывал в утробе дьявола, а также о том, как вместе с Чжу Ба-цзе он покорил второго дьявола

Мы остановились на том, как Великий Мудрец Сунь У-кун препирался со старым демоном, находясь у него в животе, пока тот, бездыханный, не повалился наземь. Не заговори он опять, вы подумали бы, что он мертв, но время от времени он все же шевелил руками. Когда дыхание вернулось к нему, он стал взывать:

— О великий бодисатва! О Мудрец, равный небу! Всемилоостивейший и вселюбящий Сунь У-кун...

Великий Мудрец прервал его:

— Покороче, сынок! Не трать времени попусту на разные величания. Зови меня просто: дедушка.

Дьяволу было жаль расставаться с жизнью, и он был готов на все.

— Дед! Дедушка! — заголосил он. — Я кругом виноват. По своей дурости проглотил тебя и за это должен сейчас поплатиться жизнью. Всецело уповаю на твою доброту и сострадание. Сжался надо мной, я, как и всякая букашка и козявка, хочу жить. Обещаю тебе переправить твоего наставника через гору.

Сунь У-кун никогда не щадил врагов, но ради Танского монаха готов был пойти на что угодно. Мольбы старого демона и его почтительность в обращении напомнили Сунь У-куну о том, что он дал обет творить добро.

— Так и быть! — проговорил он. — Пощажу тебя на сей раз, только ты скажи, как думаешь переправить моего наставника через гору?

Старый дьявол ответил:

— У меня здесь нет ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни изумруда, ни агата, ни кораллов, ни глазури, ни янтаря, ни перламутра — словом, никаких драгоценностей. Зато мы, три брата, собственноручно перенесем твоего наставника в роскошном паланкине через эти горные кручи. Вот все, что я могу пообещать тебе.

Сунь У-кун обрадовался.

— Что ж, твое обещание дороже всяких драгоценностей. Я согласен. Ну-ка, разинь пасть, я вылезу!

Только было собрался дьявол раскрыть свой огромный рот, как к нему подошел младший брат и вполголоса сказал:

— Когда он окажется у тебя на зубах, хорошенько разжуй его и снова проглоти. Тогда он не сможет причинить тебе никакого вреда.

Сунь У-кун все слышал и, прежде чем вылезти, выставил сперва свой железный посох. Дьявол изо всей силы лязгнул зубами, раздался треск, и несколько передних зубов дьявола раскрошились на мелкие кусочки. Втянув обратно посох, Сунь У-кун закричал:

— Ну и хорош ты, нечего сказать! Я было пощадил тебя и собрался вылезать, а ты что? Хотел разжевать меня, чтобы лишиться жизни?! Шалишь, брат! Теперь уж я не вылезу! Ни за что не вылезу, пока не изведу тебя живьем!

Тут старый дьявол взъелся на своего младшего брата:

— Ах ты, негодяй! Родного брата подвел! Мы с ним уговорились по-хорошему, а ты подбил меня разжевать его. Теперь он остался жив и невредим, зато я потерял зубы и десна болит. Что же это получается?!

От укоров старшего брата младший пришел в ярость и решил испытать еще одно средство.

— Сунь У-кун! — заорал он. — Слава о тебе как о храбром воине гремит везде и всюду. Ты показал свою удаль в Южных воротах неба и в небесных чертогах Нефритового императора. По дороге на Запад, в обитель Будды, ты истребил невесть сколько дьяволов и оборотней. Я думал, ты и в самом деле герой, а ты оказался жалкой, ничтожной мартышкой...

— С чего это ты взял? — перебил его Сунь У-кун.

— Знаешь пословицу: «Любо поглядеть на заезжего гостя из дальних стран, слава о нем разносится на десятки тысяч ли»? — задорно ответил третий демон. — Вылезай! Я с тобой сражусь, вот тогда и узнаю, что ты за молодец. А то забрался в чужое брюхо и занимаешься недостойными проделками.

Услышав эти слова, Сунь У-кун подумал: «А ведь он прав, трижды прав! Мне сейчас ничего не стоит порвать кишки этому дьяволу, выдрать печенку и замучить его насмерть, но этим я лишь запятнаю свое доброе имя... Ладно, так и быть!».

И он громко крикнул:

— Разевай-ка пасть! Я вылезу и померяюсь с тобой силой. Только выйди сперва на просторное место, а то здесь, в пещере, слишком тесно, и мне неловко будет действовать моим посохом.

Третий демон, услышав эти слова, сразу же собрал всех бесов и бесенят и расставил их в боевом порядке. Их набралось более тридцати тысяч. Все они были отлично вооружены. Выйдя из пещеры, бесы расположились полукругом у входа, готовые сразиться с Сунь У-куном.

Второй брат дьявола взял под руки старого демона, вывел его за ворота и крикнул:

— Эй, Сунь У-кун! Вылезай! Мы на поле боя, здесь есть где развернуться!

Сунь У-куну были хорошо слышны карканье ворон и стрекотанье сорок, а также курлыканье журавлей и шум ветра; это убедило его, что дьявол и в самом деле находится на открытом месте. На миг его все же охватило раздумье. «Если я не вылезу, то опозорюсь перед ними. Но ведь эти дьяволы коварны: обещали проводить моего наставника через горы, уговорили меня вылезти, а сами чуть было не лишили меня жизни. Теперь небось выстроили против меня все свое войско Эх, была не была! Покажу-ка я им свою удаль во всей ее красе! Вылезу! Но все же надо будет оставить свой корешок в брюхе этого дьявола!».

Он быстро выдрал волосок из хвоста, дунул на него и произнес: «Превратись!» Волосок сразу же превратился в нитку длиной более сорока чжан. Эта нитка обладала удивительным свойством: на воздухе она сама утолщалась. Один конец этой нитки Сунь У-кун привязал к сердцу и желчному пузырю дьявола, но не туго, так, чтобы не причинить чудовищу боли, однако стоило потянуть за другой конец, как узел затягивался, причиняя нестерпимую боль. Сунь У-кун с усмешкой подумал: «Если они согласятся переправить моего наставника, то я помилую их. Если же они снова возьмутся за оружие, я не стану тратить время на то, что-бы драться с ними, а дерну за эту ниточку — и все».

После этого Сунь У-кун уменьшился и полез наружу. Добравшись до гортани, он увидел широко разинутую четырехугольную пасть чудовища, со стальными клыками и резцами, острыми, как отточенные лезвия.

«Плохо дело! — подумал он и сразу же сообразил. — Если я полезу через рот, — нитка потянется за мной, и когда дьявол почувствует боль, он стиснет зубы и, чего доброго, нитку перегрызет! Надо вылезать через другое место, где нет зубов...».

Ну, как не похвалить Сунь У-куна?! Свернув клубком нитку, он полез по гортани, пробрался в нос и дополз до ноздрей. У дьявола нестерпимо защекотало в носу, и он чихнул с такой силой, что Сунь У-кун пробкой вылетел наружу.

Очутившись на воле, Сунь У-кун потянулся и сразу же стал ростом в три чжана. В одной руке он держал конец нити, а в другой — свой железный посох.

Не думая о последствиях, старый демон, увидев Сунь У-куна, тут же занес над его головой свой булатный меч. Но Сунь У-кун отбил удар. Тут на него ринулся второй демон — с копьём, и третий — с пикой. Тогда Сунь У-кун, спрятав посох, стремительно вскочил на облако и удалился, потянув за собой нитку. Чтобы не попасть в окружение бесов, которые помешали бы ему действовать, он выскочил из вражеского стана и поднялся до самой вершины горы, где было

просторно и безлюдно. Там он покинул облако и сразу же обеими руками изо всех сил рванул нить на себя. Вот когда острая боль пронзила старого дьявола до самого сердца! Он тотчас подскочил кверху, а Великий Мудрец в это время еще раз дернул нитку. Толпа бесов и бесенят, издали наблюдавшая за всем происходившим, хором заорала:

— Великий князь! Не дразни его! Пусть убирается отсюда! С чего это вдруг он вздумал запускать бумажного змея? Ведь день весенних поминок еще не наступил. Гляди, как старается!

Между тем Сунь У-кун, слыша эти крики, еще сильнее поднатужился и даже прижал нить ногой. Старый дьявол веретеном закружился в воздухе и со свистом грохнулся на землю, да так сильно, что на засохшей глине под склоном горы, куда свалился дьявол, образовалась яма глубиной не менее двух чи.

Второй и третий дьяволы переполошились, сразу же ухватились за край облака и, прижав его книзу, очутились у своего старшего брата; вцепившись в нить, к которой он был привязан, они опустили на колени и завопили:

— О Великий Мудрец! Мы слышали, что ты праведник, великодушие которого неизмеримо как море, но кто знал, что ты окажешься такой гадиной, нутро у которой хуже крысиного и гаже, чем у слизняка! Мы по-честному вызвали тебя на бой и никак не ожидали, что ты привяжешь нашего старшего братца за сердце да еще этакой ниткой!

Сунь У-кун рассмеялся.

— Ну и негодяи же вы! — крикнул он. — Не вы ли первые пытались обманом выманить меня, чтобы разжевать насмерть, а на этот раз выстроили против меня все свое полчище! Разве честно вызывать на бой одного против десятков тысяч? Вот я его потащу к своему наставнику! Сейчас же потащу!

Дьяволы все вместе стали отбивать земные поклоны.

— Великий Мудрец! Смилуйся и пожалей! — молили они. — Пощади нас! Обещаем тебе перенести через горы уважаемого наставника, почтенного отца нашего!

Сунь У-кун, смеясь, ответил им:

— Вы хотите сохранить жизнь своему старшему? Возьмите меч и перерубите нитку, вот и все!

Старый дьявол простонал:

— Дедушка! Снаружи-то перерубишь, но как отвязать ее от сердца? Как избавиться от тошноты, которую она вызывает, задевая все время за гортань?

— Ах, вот что! — воскликнул Сунь У-кун.— Ну, это тоже просто. Разинь-ка пасть: я влезу и отвяжу нитку.

Старый дьявол перепугался.

— Влезешь и не захочешь вылезти! — сказал он.— Ох, тяжело мне! Ой, как тошно!

— Ладно! — произнес Сунь У-кун.— Я знаю, как, находясь снаружи, развязывать внутренние узлы. Так и быть, отвяжу нитку, но с условием, что ты действительно переправишь моего наставника. Обещаешь?

— Как только отвяжешь, сразу же переправлю! — произнес дьявол.— Больше не посмею обманывать тебя!

Великий Мудрец поверил дьяволу, а потому сразу же встряхнулся всем телом и вобрал в себя волосок. У дьявола тут же прекратилась боль в сердце. Это был способ скрытого превращения, которым владел Сунь У-кун. Он-то и дал возможность Сунь У-куну привязать свой волосок к сердцу дьявола.

Трое дьяволов-оборотней встали в ряд перед Сунь У-куном и принялись благодарить его:

— Великий Мудрец! — говорили они.— Просим тебя вернуться к своему наставнику и предупредить его, что мы переправим его через гору. Собирайте свою поклажу, а мы сейчас отправимся за паланкином.

Бесы и бесенята убрали оружие и вернулись в пещеру.

Вобрав в себя нитку, Великий Мудрец обошел гору с востока и издали увидел Танского монаха, который катался по земле от горя и плакал навзрыд. Тем временем Чжу Ба-цзе и Ша-сэн делили поклажу.

Сунь У-кун чуть слышно вздохнул.

«Все ясно! — подумал он.— Чжу Ба-цзе наверняка рассказал наставнику о том, что демон сожрал меня, а сам занялся дележом поклажи, чтобы уйти куда вздумается. Надо подать голос», — и, спустившись с облака, Сунь У-кун крикнул:

— Наставник!

Ша-сэн услышал и стал укорять Чжу Ба-цзе:

— Недаром сказано: «Катафалк добра не сулит»! Сунь У-кун жив-живехонек, а ты наговорил, что его дьявол сожрал, и все для того, чтобы заняться этим черным делом. Смотри! Разве не он идет сюда?

— Но ведь я собственными глазами видел, как дьявол проглотил его,— возразил Чжу Ба-цзе.— Думаю, что сегодня несчастливое число, и перед нами появилась его душа.

Сунь У-кун подошел ближе и, размахнувшись, дал Чжу Ба-цзе оплеуху. Чжу Ба-цзе покачнулся.

— Ах ты, негодная тварь! — воскликнул Великий Мудрец.— Значит, по-твоему, это не я, а моя душа?!

Притворившись обиженным, Чжу Ба-цзе стал оправдываться:

— Братец! Ведь дьявол сожрал тебя! Как же это ты... опять ожил?

— Чирей ты, вот кто! Никакой пользы от тебя нет! — сердито ответил Сунь У-кун.— Когда он меня проглотил, я сразу же ухватил его за кишки, начал мять ему легкие да еще продел нитку через сердце и стал тянуть за нее, так что от боли он чуть не подох. Остальные демоны по очереди начали кланяться мне в ноги, умоляя пощадить его. Наконец я согласился. Сейчас они доставят сюда паланкин и переправят нашего наставника через гору.

Танский монах, слышавший весь этот рассказ, сразу вскочил на ноги и низко поклонился Сунь У-куну.

— О ученик мой! — воскликнул он.— Опять из-за меня ты чуть было не погиб! Если бы я поверил словам Чжу Ба-цзе, то сейчас меня уже не было бы в живых.

Размахивая кулаками, Сунь У-кун подскочил к Чжу Ба-цзе, надавал ему тумаков и отчитал его:

— Дурак ты этакий, набитый мякиной! Лентяй! Нет в тебе ничего человеческого! — Затем, обратившись к Танскому монаху, Сунь У-кун сказал: — Ты уж не сердись, наставник, сейчас сюда явятся оборотни и проводят тебя через гору.

Ша-сэну было стыдно, что он послушался Чжу Ба-цзе. Чтоб скрыть свое смущение, он поспешно собрал вещи, взнуздal коня и оседлал его. Вчетвером они вышли на дорогу и стали дожидаться паланкина.

Здесь мы их пока и оставим.

Вернемся к дьяволам, удалившимся в пещеру со всеми своими бесами.

— Братец! — обратился второй дьявол к старшему. — Я думал, что Сунь У-кун, как говорят, «девятиголовый и восьмихвостый», а он совсем невелик. Не надо было глотать его. Он бы ни за что не одолел ни тебя, ни меня, доведись нам только сразиться с ним. Мы бы утопили его в плевках наших десятков тысяч бесов и бесенят. А ты взял да проглотил его. Вот он и помучил тебя, очутившись в брюхе. Да разве может он равняться с тобой? Мы, конечно, и не подумаем провожать Танского монаха. Нам важно было сохранить тебе жизнь, вот мы и обманули его, чтобы он вылез из тебя.

— Ишь ты, какой хитрый! — ехидно произнес старый демон. — Объясни, пожалуйста, почему ты не хочешь проводить их наставника?

— Я знаю, как изловить эту обезьяну, — хвастливо заявил второй демон, — дай мне только три тысячи бесенят.

— Да хоть весь наш лагерь, чего там говорить о трех тысячах! — обрадовался старый дьявол. — Пусть это будет нашей общей заслугой.

Второй демон сразу же отобрал три тысячи бесенят, вывел их из пещеры и выстроил двумя рядами по сторонам большой дороги. Затем он велел знаменщику с синим флагом отправиться в качестве гонца к Сунь У-куну и вызвать его на бой.

— Эй, Сунь У-кун! — кричал знаменосец. — Выходи скорее сразиться с нашим вторым великим князем!

Чжу Ба-цзе услышал и рассмеялся:

— Братец, — сказал он, — есть такая поговорка: «Своих не обманывают». А ты явился сюда морочить нам голову всякими небылицами. Зачем же ты врал, что покорил дьяволов и они вот-вот явятся сюда с паланкином, чтобы переправить нашего наставника через гору?

Сунь У-кун спокойно ответил:

— Старого дьявола я покорил, и он не посмеет больше тягаться со мной: от одного моего имени у него теперь голова трещит. Это, верно, второй дьявол вызывает меня на бой. Должен сказать вам, братцы, что все три дьявола — братья, и как они преданы друг другу! Нас тоже три брата, но разве есть у нас такое чувство? Я покорил старшего дьявола — появился второй! Вот тебе, Чжу Ба-цзе, и следовало бы сразиться с ним!

— А думаешь, я боюсь его? — ответил Чжу Ба-цзе. — Сейчас увидишь, как я расправлюсь с ним!

— Собрался, так ступай! — напутствовал его Сунь У-кун.

— И пойду! — засмеялся Чжу Ба-цзе. — Только вот что, братец, одолжи-ка мне свою чудесную

веревку.

— На что она тебе? — удивился Сунь У-кун. — Ты же не умеешь проникать в брюхо и привязывать веревку к сердцу.

— Я обвяжусь ею, — ответил Чжу Ба-цзе, — и она послужит мне спасательной веревкой. Вы с Ша-сэном будете держать ее за другой конец и разматывать. Как только увидите, что я побеждаю, отпустите веревку, и я схвачу дьявола. Если же я потерплю поражение, тащите меня обратно, чтобы дьявол не уволок меня. Сунь У-кун усмехнулся про себя: «Ну и потешусь я над ним!».

и тут же, обвязав его веревкой, пустил в бой.

Размахивая граблями, Чжу Ба-цзе подбежал к обрыву и закричал:

— Эй, дьявол, выходи! Сам Чжу Ба-цзе, прародитель всего твоего племени, идет на тебя!

Знаменщик с синим флагом поспешно доложил своему повелителю:

— О великий князь! Сюда идет какой-то монах с длинным рылом и огромными ушами.

Второй демон немедленно вышел из стана и, увидев Чжу Ба-цзе, без лишних слов пошел на него с копьем наперевес. Чжу Ба-цзе занес грабли и пошел навстречу. Они сошлись у склона горы и не успели схватиться раз семь или восемь, как Чжу Ба-цзе почувствовал, что у него слабеют руки и ему не устоять перед врагом. Поспешно обернувшись, он крикнул:

— Братцы, плохо дело! Тащите меня обратно! Тащите же!

Но Сунь У-кун, хотя и слышал его, нарочно ослабил веревку и даже закинул ее конец вперед.

Потерпев поражение, Чжу Ба-цзе пустился наутек. Он не заметил, что нитка волочит за ним, запутался и упал. Он попытался было подняться, но снова упал и на этот раз разбил себе все рыло. Тут дьявол настиг его, вытянул свой хобот, обвил им, словно дракон, несчастного Чжу Ба-цзе и с победой вернулся в пещеру. Ликующие бесы запели победную песню и разошлись.

Танский монах, находившийся под горой, наблюдал за боем и очень рассердился на Сунь У-куна.

— Теперь я понимаю, — сказал он, — почему Чжу Ба-цзе желал твоей смерти! Между вами нет чувства братской любви, а одна только зависть и злоба. Вот и сейчас он взывал к тебе, просил оттащить его за веревку, а ты, мало того что не стал тащить, так еще и конец веревки выпустил?! Вот он и попал в беду, что теперь делать?

— Наставник! — притворно улыбаясь, ответил Сунь У-кун. — Очень уж ты любишь его и потому прикрываешь все его слабости. Когда меня схватили, ты ничуть не беспокоился. Еще бы! Рядом были твои помощники, готовые пожертвовать ради тебя жизнью. А вот когда этот дуралей попался, ты пеняешь на меня. Пусть и он немного пострадает, будет по крайней мере знать, как достаются священные книги!

— Ученик мой! — укоризненно произнес Танский монах. — Разве не беспокоился я о тебе, когда ты ходил сражаться с дьяволом? Но я был уверен, что ты не пострадаешь, так как владеешь огромной волшебной силой. А наш дурачок — неповоротлив, да к тому же не обладает такими чарами, как ты, поэтому заранее можно было сказать, что с ним случится беда. Прошу тебя, выручи его.

— Мстительным быть не следует, — ответил Сунь У-кун, — и я сейчас отправлюсь выручать нашего брата.

С этими словами он стремительно поднялся на гору. «Этот дурак желал мне смерти, — со злобой думал Сунь У-кун. — Пусть теперь за это поплатится! Прежде всего надо будет разузнать, что сделал с ним дьявол. Вот помучают его там, а уж потом я его вызволю!».

Произнеся заклинание и прищелкнув пальцами, Сунь У-кун встряхнулся, превратился в цикаду и вспорхнул. Затем он прицепился к уху Чжу Ба-цзе и таким образом очутился вместе с дьяволом у пещеры. Ведя за собой тысячи бесов и бесенят, второй демон подошел к входу в пещеру и приказал сделать привал, а сам тем временем внес схваченного им Чжу Ба-цзе во внутрь.

— Ну вот, братец! Одного изловил! — торжествующе произнес он.

— Ну-ка, покажи, кого ты изловил? — спросил старый дьявол.

Второй демон разжал хобот и бросил Чжу Ба-цзе наземь.

— Он?

— Нет. Этот негодяй ни на что не годен, — отозвался старый демон.

Услышав эти слова, Чжу Ба-цзе обрадовался.

— Великий князь, — проговорил он, — раз я ни на что не годен, отпусти меня и излови того, кто тебе нужен.

Тут вмешался третий демон:

— Ничего, пусть остается, все же он один из учеников Танского монаха — Чжу Ба-цзе. Свяжем его пока и посадим в пруд на заднем дворе, пусть помокнет. А когда с него слезет шерсть, мы ему вспорем брюхо, выпотрошим, засолим и завялим тушу, и в ненастную пору будем закусывать, попивая вино.

Чжу Ба-цзе переполошился.

— Теперь конец мне пришел! — стenal он.— Напоролся на дьяволов, торгующих солониной!

Толпа оборотней набросилась на Чжу Ба-цзе. Его скрутили по рукам и ногам, поддели коромыслом и понесли к пруду, где бросили в воду. После этого все вернулись в пещеру.

Великий Мудрец все же успел взлететь и видел сверху, как Чжу Ба-цзе вертел рылом, то погружаясь, то всплывая, и отчаянно сопел. На него нельзя было смотреть без смеха. Он походил на огромную почерневшую корону лотоса, какая бывает в начале осени, уже побитая инеем, с выпавшими из коробочки семенами. Глядя на Чжу Ба-цзе, Великий Мудрец одновременно испытывал и ненависть и жалость.

«Как же быть? — думал он.— Ведь Чжу Ба-цзе тоже участник собора под деревом с драконообразными цветами и исповедует учение Будды. И все же нельзя простить ему того, что он всякий раз, как случается беда, начинает делить поклажу, чтобы уйти куда вздумается. Кроме того, он всегда подбивает наставника читать заклинание о сжатиі обруча на моей голове. На днях я слышал от Ша-сэна, будто Чжу Ба-цзе стал тайком копить деньги. Как бы узнать, правда это или нет? Вот я его сейчас припугну, и все узнаю».

Что за молодец Сунь У-кун! Подлетев к уху Чжу Ба-цзе и переменив голос, он стал звать:

— Чжу У-нэн! Чжу У-нэн!

Чжу Ба-цзе опешил. «Кто же это здесь может знать, что я зовусь еще Чжу У-нэн? — подумал он.— Ведь этим именем меня нарекла бодисатва Гуаньинь. Но с того времени, как я последовал за Танским монахом, меня стали звать Чжу Ба-цзе. Тьфу ты, вот уж не везет!». Однако любопытство взяло верх, и он спросил:

— Кто назвал меня монашеским именем?

— Я! — отозвался Сунь У-кун.

— Кто ты такой?

— Я из сыскного приказа,— отвечал Сунь У-кун зловещим голосом.

Дурень совсем растерялся.

— Господин начальник,— пролепетал он,— от кого же?

— Меня послал за тобой правитель пятого судилища Преисподней, — важно ответил Сунь У-кун.

— Господин начальник! — взмолился Чжу Ба-цзе.— Вернись обратно и доложи своему повелителю, который хорошо знаком с моим старшим братом в монашестве, Сунь У-куном, что я, мол, прошу его отсрочить явку на один день. А завтра снова придешь!

— Не городи чепуху! — возразил Сунь У-кун.— Знаешь пословицу? «Раз правитель Преисподней назначил умереть в час третьей стражи, кто посмеет задержать до четвертой!». Живо ступай за мной, не то я поволоку тебя на веревке!

— Господин начальник! — продолжал молить Чжу Ба-цзе.— Погляди на меня, ведь мне еще пожить хочется. Погоди денек: здешние дьяволы за это время схватят моего наставника и его учеников, мы еще раз повидаемся и тогда все вместе расстанемся с жизнью.

Сунь У-кун злорадно посмеивался про себя.

— Ну ладно! — сказал он примирительно.— Сегодня я должен увести с собой еще тридцать человек, и всех в разное время. Отправлюсь-ка я пока за ними, а потом приду за тобой, вот и пройдет денек. Нет ли у тебя деньжат на дорогу? Подкинь хоть сколько-нибудь.

— Смилуйся! — воскликнул Чжу Ба-цзе.— Откуда могут быть деньги на дорогу у того, кто отрешился от мирской суеты?

— Если нет, поведу на веревке! Ступай за мной! — строго прикрикнул Сунь У-кун.

— Господин начальник! — в полном смятении взмолился Чжу Ба-цзе.— Не закидывай на меня петлю! Я ведь знаю, что твоя веревка зовется «ловцом жизни», — затянется петлей, и дух вон! Есть у меня деньги, — заговорил он другим тоном, — да только совсем немного.

— Где? — обрадовался Сунь У-кун.— Ну-ка, доставай живей!

— Пожалей ты меня! Пожалей! — простонал Чжу Ба-цзе.— С тех пор как я стал монахом, добрые люди, видя, что брюхо у меня довольно вместительное, помимо пищи давали мне еще иногда кое-какую мелочишку, и мне перепало больше, чем другим. А я брал да прятал. Вот и набралось у меня пять чохов серебром; держать деньги при себе мне было очень неудобно. Намедни, когда мы были в городе, я упросил золотых дел мастера сплавить их в один слиток. Но мастер оказался бессовестным: украл часть моего серебра, и слиток получился всего на четыре чоха с шестью грошами. Вот и возьми его.

Продолжая посмеиваться про себя, Сунь У-кун все же удивился: «Куда же он запрятал серебро, дуралей голоштаный? — подумал он.— Ему ведь и штаны-то купить не на что!».

— Говори,— сказал он,— где твое серебро?

— Я засунул его в левое ухо,— ответил Чжу Ба-цзе.— Будь добр, возьми сам, а то я ведь связан.

Сунь У-кун сразу же, как только услышал эти слова, просунул руку в ухо Чжу Ба-цзе и действительно нащупал там слиток серебра в виде седельца, весом на все четыре чоха с пятью, а может, и с шестью грошами; взяв его в руку, он не выдержал и громко захохотал.

Дурень тотчас узнал Сунь У-куна по голосу и, барахтаясь в воде, стал ругать его:

— Чтоб тебе сдохнуть, обезьяна проклятая! Я терплю такие страдания, а ты явился вымогать у меня последнее мое добро.

Сунь У-кун снова расхохотался.

— Ну и вздул бы я тебя, тухлятина! Вот мне действительно пришлось перенести невесть сколько горя и страданий, а ты тем временем копил себе денежки!

— Эх ты, бесстыжий! — разозлился Чжу Ба-цзе.— Какие же это деньги? Я по крохам собирал, отказывал себе в еде, чтобы купить хоть материи и сшить одежду, а ты напугал меня и обманом все забрал. Верни хоть сколько-нибудь!

— Ни полгроша тебе не достанется,— твердо произнес Сунь У-кун.

Чжу Ба-цзе снова выругался, но тут же добавил:

— Так и быть, эти деньги подношу тебе в дар за спасение моей жизни. Обещай только, что вызволишь меня отсюда.

— Ладно, не горячись! — спокойно ответил Сунь У-кун. — Обожди немного, и я спасу тебя.

Сунь У-кун спрятал деньги, после чего тотчас принял свой обычный облик. Взяв в руки железный посох, он подтолкнул им Чжу Ба-цзе поближе, потом схватил его за ноги обеими руками, вытащил на берег и снял с него веревки. Чжу Ба-цзе подпрыгнул, сбросил с себя одежду, выжал ее, встряхнул и снова надел на себя еще совсем сырую.

— Братец! — ласково произнес он, обращаясь к Сунь У-куну.— Давай откроем задние ворота и убежим отсюда!

— Достойно ли будет нашего звания бежать через задние ворота? — насмешливо спросил Сунь У-кун.— Пойдем-ка лучше через передние.

— У меня ноги затекли,— плаксиво ответил Чжу Ба-цзе,— не могу бежать...

Размахивая посохом, Сунь У-кун направился к выходу. Чжу Ба-цзе ковылял за ним, но стоило ему увидеть у вторых ворот свои грабли, как он тут же оттолкнул охранявшего их бесенка, схватил их и ринулся напролом. Пробиваясь через третий ряд ворот, они вместе с Сунь У-куном перебили несметное количество бесенят. Когда старый демон услышал об этом, он стал укорять второго демона.

— Эх ты, ловкач! Ну и ловкач! Гляди-ка, Сунь У-кун похитил твоего Чжу Ба-цзе и смертным боем бьет у ворот наших бесенят.

Второй демон встрепенулся и помчался к воротам с копьём в руке.

— Ах ты, мерзкая обезьяна! — громко бранился он.— До чего же ты наглая! Как ты смеешь так нахально вести себя?

Сунь У-кун тотчас же остановился. Но дьявол без дальнейших разговоров бросился на Сунь У-куна с копьём. А тот не спеша, словно степенный монах, ухватился за свой железный посох и начал наносить врагу встречные удары. Ну и хорош был бой:

Колдун-тапир клыки оскалил,

Со злобы мощь свою устроив.

И львиный царь и старший дьявол,

Бесовскую собравши рать,

Все меж собою сговорились,

Как победить им трех героев,

А после Танского монаха

Втроем осилить и сожрать!

Но Сунь У-кун хитер и ловок,

И мысль его парит, как птица.

За истину решил он биться

И злобных одолеть врагов.

А Чжу Ба-цзе был простодушен

И к демонам попал в темницу.
Царь обезьян проник в пещеру
И спас беднягу из оков.
За ними вслед погнался дьявол,
Разя налево и направо.
Копье и посох вмиг скрестились,
Крутясь, как яростный тайфун.
Грозил герою черный демон
Копьем, похожим на удава,
И посохом — морским драконом —
Разил отважный Сунь У-кун.
От взмахов посоха всклубились
Над ними огненные тучи.
Туман от дьявольских ударов
Зловонной серою дышал.
Из-за паломника святого
Свершился этот бой могучий.
Где не было врагу пощады,
И жалости никто не ждал!

Тем временем Чжу Ба-цзе, видя, что Великий Мудрец вступил в бой с дьяволом-оборотнем, прислонил свои грабли к горной скале у перевала и спокойно наблюдал за ходом битвы, даже и не думая идти на помощь Сунь У-куну.

Вскоре дьявол убедился, что посох Сунь У-куна довольно увесист, а Сунь У-кун между тем оказался настолько увертлив, что не получил даже царапины. Тогда дьявол перестал нападать и лишь отбивал удары копьем, готовясь вытянуть хобот и обвить им своего противника. Сунь У-кун разгадал умысел врага и, взявшись обеими руками за концы посоха, мгновенно поднял его высоко над головой. В этот момент дьявол обхватил хоботом туловище Сунь У-куна, но руки его оставались свободными. Посмотрели бы вы, что он стал выделять своим посохом, забавляясь концом хобота.

Чжу Ба-цзе не выдержал и стал бить себя в грудь кулаками.

— Эх, дьявол! — воскликнул он. — Меня, разиню, ты сразу поймал хоботом так, что я даже пошевелить руками не смог, а у этой вертлявой обезьяны почему-то оставил руки свободными. Она тебе хобот проткнет, от боли у тебя слезы из глаз брызнут, и ты выпустишь ее из рук!

У Сунь У-куна, по правде говоря, не было такого намерения, но Чжу Ба-цзе своими словами надоумил его. Сунь У-кун тотчас взмахнул посохом, который стал толщиной с куриное яйцо, а длиной более одного чжана, и начал засовывать его дьяволу в хобот. Дьявол струсил и, громко фыркнув, разжал хобот, но Сунь У-кун вцепился в него руками и стал тащить. Чтобы спастись от боли, дьявол послушно следовал за движениями рук Сунь У-куна. Тут только Чжу Ба-цзе расхрабрился и решил помочь Сунь У-куну. Схватив грабли, он собрался бить дьявола по ляжкам, но Сунь У-кун остановил его.

— Так не годится! — вскричал он. — У твоих граблей зубья очень острые и проткнут кожу насквозь, так что кровь потечет. Тогда наставник опять будет браниться и обзовет нас душегубами! Лучше бей его рукоятью!

Чжу Ба-цзе послушался и стал размеренно, шаг за шагом, бить оборотня, погоняя его, а Сунь У-кун тем временем тянул его за хобот и вел вниз под гору. Издали можно было подумать, что это два раба-погонщика ведут слона.

Танский монах все время пристально вглядывался вдаль и вдруг заметил своих учеников, которые приближались с криками и шумом. Он поспешно подозвал к себе Ша-сэна.

— У-цзин! Смотри-ка! Кого это тащит Сунь У-кун?

Ша-сэн взглянул и засмеялся.

— Да это же оборотень,— проговорил он сквозь смех.— Видишь, Сунь У-кун тащит его за хобот? Вот миляга-то!

— Прекрасно! — обрадовался Танский монах.— Гляди, какой здоровенный оборотень, и хобот у него длиннющий! — воскликнул он. — Ну-ка, спроси у него, согласится ли он переправить нас через гору. За это мы поощрим его и не причиним вреда.

Ша-сэн пошел навстречу, громко крича на ходу:

— Эй вы! Наставник велел сказать, что поощрит дьявола и не причинит ему никакого вреда, если он даст обещание переправить нас через гору.

Дьявол услышал эти слова, повалился на колени и обещал выполнить все, что от него потребуют. Сунь У-кун все время держал его за хобот так, что дьявол, когда говорил, гнусавил, словно был сильно простужен.

— О великий властитель мой, Танский наставник! — молил второй демон. — Если ты пощадишь меня, я немедленно переправлю тебя через гору на паланкине.

Сунь У-кун поспешил ответить за наставника:

— Наставник и мы, ученики его, побеждаем людей добротой. Пусть будет по-твоему, — пока мы пощадим тебя. Ступай скорей за паланкином. Но смотри, если и на этот раз вы измените слову, мы изловим всех вас и тогда уж не ждите пощады!

Дьявол совершил земной поклон и удалился.

А Сунь У-кун и Чжу Ба-цзе принялись рассказывать, что с ними произошло. О том, как Чжу Ба-цзе, испытывая жгучий стыд, сушил свои одежды, развесив их у склона горы, и как они ждали паланкин, мы распространяться не будем.

Дрожа от страха, второй демон вернулся в пещеру. О том, как Сунь У-кун ухватил его за хобот и потащил куда-то, бесенята успели сообщить старому и младшему демонам еще до его появления. Старый демон был в отчаянии и вместе с третьим демоном и толпой бесов вышел из пещеры. Но тут они увидели второго демона, и все вместе вернулись обратно.

Второй демон передал всем о милосердии Танского монаха и о его умении побеждать людей добром. Все молча переглянулись. Никто не посмел перечить.

— Согласен ли ты, мой старший брат, переправить Танского монаха через гору? — спросил второй демон.

— Братец! Зачем же спрашивать об этом? — отвечал старый демон. — Сунь У-кун добр и справедлив. Находясь у меня в брюхе, он мог тысячу раз погубить меня, если бы захотел. Вот и теперь, когда он уволок тебя за хобот, тоже мог не отпустить тебя. Страшно подумать, что бы было, если бы он повредил кончик твоего хобота! Живо собирайтесь, пойдём провожать Танского монаха!

Тут младший демон рассмеялся и воскликнул:

— Провожайте, провожайте!

— Ты, кажется, чем-то недоволен? — спросил его старый демон. — Не хочешь провожать — не надо, и без тебя обойдемся.

Третий демон опять рассмеялся.

— Разрешите сказать, уважаемые братья! — произнес он. — Лучше бы Танский монах не

просил, чтобы мы его провожали, а прошел бы тихо и незаметно. Но раз он требует этого, пусть пеняет на себя. Я приготовлю ему ловушку, которая называется «Выманить тигра из горного логова».

— «Выманить тигра из горного логова»? — переспросил старый демон. — Что это значит?

— Мы сейчас поднимем на ноги всех наших бесов, пересчитаем их, и из каждого десятка тысяч отберем по одной тысяче, из тысячи отберем сотню, а затем из сотни отберем шестнадцать и еще тридцать...

Старый дьявол удивился.

— Как же так — сперва шестнадцать, а потом еще тридцать? — спросил он.

— Тридцать нам надо таких, — пояснил третий демон, — которые умеют парить и жарить. Мы дадим им отборного риса, луч- шей муки, ростки бамбука, бутоны чая, разных грибов, бобового сыра и вермишель. Прикажем им отойти на двадцать или тридцать ли, разбить палатки, приготовить еду и чай и ожидать Танского монаха.

— Ну, а шестнадцать для чего? — продолжал недоумевать старый дьявол.

— Восемь из них пусть несут паланкин, а другие восемь побегут впереди и будут разгонять прохожих и встречных. А вы, братья, сопровождайте паланкин слева и справа на всем пути до первого привала. Мой город расположен к западу отсюда на расстоянии четырехсот с лишним ли. Там уже будут люди и кони наготове, чтобы встретить Танского монаха. Когда он начнет приближаться к городу, то мы сделаем то-то и то-то (тут он понизил голос до шепота), а затем разлучим Танского монаха с его учениками так, чтобы они даже не видели друг друга. На долю этих шестнадцати чертенят и выпадет честь изловить самого Танского монаха.

Этот план действий настолько понравился старому демону, что он полностью пришел в себя и даже воспрянул духом.

— Хорошо! Хорошо! Хорошо! — твердил он непрестанно. Дьяволы сразу же устроили перекличку и отобрали сперва тридцать бесов, которых снабдили всеми припасами, а затем еще шестнадцать, которым велели нести роскошный паланкин, благоухающий всевозможными ароматами. Дьяволы покинули пещеру, а оставшимся бесам было приказано: «Никому не выходить и не шататься без дела в горах! Знайте, что Сунь У-кун отличается подозрительностью, и, если заметит кого-нибудь из вас, у него сразу же возникнут сомнения, и он разгадает ваш замысел!».

Ведя за собой всю свиту, старый демон дошел до большой дороги и стал громко звать:

— О владыка наш, Танский монах! Отныне пусть дорожная пыль не докучает тебе. Просим

поторопиться в путь, чтобы пораньше переправиться через гору!

Услышав зов, Танский монах спросил Сунь У-куна:

— Кто это зовет меня?

Сунь У-кун стал всматриваться и сказал:

— Я вижу того самого дьявола, которого мне удалось покорить. Он явился сюда с паланкином, чтобы перенести тебя через гору.

Танский монах молитвенно сложил руки и, устремив взор в небо, стал восклицать:

— О благо! О благо! Если бы не ты, мой мудрый ученик, разве смог бы я выбраться отсюда живым?!

После этого он направился к паланкину и поклонился дьяволам и всей их свите.

— Я очень признателен вам за доброе отношение,— торжественно произнес он.— Когда мы будем возвращаться к себе на восток со священными книгами, то сочтем своим долгом прославить вас среди всех жителей нашей столицы Чанъань!

Тут дьяволы и бесы совершили земной поклон, а затем старый демон предложил Танскому монаху занять место в паланкине. Несчастный Танский монах, рожденный от плоти и крови, не представлял себе, что попался на удочку. Да и Великий Мудрец Сунь У-кун, по натуре своей верный и прямой, как властитель Северной Полярной звезды и Золотой небожитель учения Будды, не ожидал, что дьявол, который обязан ему своей жизнью, замыслил недоброе. Он велел Чжу Ба-цзе немедленно навьючить поклажу на коня и неотступно следовать за Ша-сэном, а сам возглавил шествие и зорко смотрел по сторонам, помахивая своим железным посохом. Восемь бесов несли паланкин, а другие восемь бежали впереди и громкими криками разгоняли прохожих. Трое дьяволов-оборотней поддерживали оглобли паланкина. Танский наставник блаженствовал на мягких подушках и предавался тихой радости. Вот вся процессия взобралась на высокую гору и двинулась по большой дороге.

Кто мог знать, что в этой радости таится скорбь? В одной канонической книге сказано:

Когда счастье достигнет высшего предела,

Тогда же рождается зло.

Есть еще и такое изречение:

К встрече со звездой Долголетия

Может судьба нас привести;

К воротам скорбного дома

Звезда, ниспадая, утешенье готова принести.

Трое дьяволов, единодушные в своем заговоре, шли как стражи, охраняя паланкин с обеих сторон, и были весьма предупредительны. Пройдя тридцать ли, устроили небольшой привал, а через пятьдесят ли снова расположились на отдых. Всякий раз подавали еду и питье. Дьяволы просили разрешения располагаться на отдых до наступления сумерек. Всю дорогу поддерживался образцовый порядок. На дню кормили три раза, причем выбор блюд удовлетворял все вкусы и желания. Для ночлега выбирали превосходные места, и путники спокойно отдыхали.

Продвинувшись на запад более чем на четыреста ли, путники вдруг увидели город. Великий Мудрец Сунь У-кун, с высоко поднятым железным посохом, оказался впереди на расстоянии всего лишь одного ли от паланкина. При виде города он так испугался, что даже оступился и упал, тщетно пытаясь подняться на ноги. Вас, наверное, удивило, почему Сунь У-кун, такой храбрый, вдруг испугался? А дело в том, что он узрел над этим городом зловещий туман, невидимый для простых смертных.

Там над кровлями

Демоны водят нечистые игры,

Там у каждых ворот

Стражи в облике волчьем стоят.

Воеводами служат

Свирепые пестрые тигры,

И тигрят беломордых

Идет за отрядом отряд.

Там олени-гонцы

От заставы снуют до заставы,

А лисицы ползут

По следам незнакомых людей.

Там вдоль стен городских

Разлеглись, голодая, удавы,

И повсюду кишат

Исполинские скопища змей.

Там матерые волки

Сидят на высоких балконах,

Отдают повеленья,

Огонь извергая и чад,

И пятнистые барсы

Резвятся в садах, в павильонах,—

Окликаая друг друга,

Хохочут, поют и кричат.

Злые духи проносят знамена

И бьют в барабаны,

Привиденья во тьме

Стерегут перекрестки дорог.

И проносят большие тюки

Кабанов караваны,

И зайчата торговлю ведут

И зовут на порог.

Это княжество

Некогда было блаженной страной,

Называлось «Уделом Зари

И Небесных гостей».

Все давно изменилось.

Тот город за черной стеною

Стал убежищем оборотней

И коварных чертей.

Как раз в тот самый момент, когда Сунь У-кун в ужасе смотрел на бесовское наваждение, позади раздался свист ветра. Сунь У-кун быстро обернулся и увидел третьего демона, который со страшной силой нанес ему удар по голове замечательной пикой с разукрашенным древком. Сунь У-кун мгновенно перевернулся и, вскочив на ноги, пустил в ход свой железный

посохпалицу с золотыми обручами. Оба они, тяжело дыша от расправившего их гнева и злобы, не находили слов и дрались, скрежеща зубами от ярости.

Между тем старый демон подал знак и, подняв свой стальной меч, накинулся на Чжу Ба-цзе. В сильном смятении Чжу Ба-цзе бросил коня, завертел своими граблями, а затем стал колотить ими куда попало. Второй демон нацелился длинным копьём на Ша-сэна, но тот успел отразить удар своим волшебным посохом. Так на вершине начался жаркий бой трех дьяволов с тремя монахами.

Шестнадцать бесов по сигналу стали действовать: один схватил белого коня, другой завладел поклажей, остальные ринулись на Танского монаха, потащили паланкин прямо к окраине города и стали громко кричать: «О великий князь, властитель наш! Твой замысел удался на славу. Танский монах уже в наших руках».

Толпы бесов и бесенят стали сбегаться со стен города. Городские ворота широко распахнулись, и была дана команда: свернуть знамена и заглушить барабаны, не поднимать никакого шума и не бить в гонги. Все стали говорить: «Великий князь велел не производить никакого шума, чтобы не испугать Танского монаха. Его ни в коем случае нельзя пугать, иначе его мясо прокиснет и не пригодится в пищу!».

Толпа бесов и бесенят, ликуя, приветствовала Танского монаха низкими поклонами как главу всех монахов. Его внесли на паланкине прямо в тронный зал дворца с золотыми колокольцами. Там его усадили на почетное место в самой середине зала и принялись угощать и чаем и яствами, кружились и хлопотали возле него со всех сторон.

Несчастный монах в состоянии полузабытья с трудом открыл глаза, но не увидел ни одного близкого ему лица.

Как в дальнейшем повернется его судьба? Останется он жив или погибнет — об этом вы, читатель, узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/288484>